

ДАВИД РОБИТОВ

Крестом и мечом

Книга из сборника Время Феофано

16+

Давид Робитов
Крестом и мечом

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Робитов Д.

Крестом и мечом / Д. Робитов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-99138-5

Десятый век. Византийский император Константин Багрянородный озабочен экономическим противостоянием с Всемирной торговой организацией и ищет союзника на севере. Наместница-регент Киевского царства Ольга подавляет внутренние мятежи и пытается заручиться покровительством императора. Константин беседует с архиепископом о святых реликвиях и сообщает, что хочет женить своего наследника на провинциальной актрисе Анастасии. Что подтолкнуло императора на этот выбор? Уже год Ольга дожидается аудиенции императора. Примет ли ее Константин? Простит ли наместнице сожженный христианский город?

ISBN 978-5-532-99138-5

© Робитов Д., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава первая: святые реликвии	6
Глава вторая: обычаи, театр и христианство	13
Глава третья: пираты	17
Глава четвертая: свадьба Анастасии	22
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Давид Робитов

Крестом и мечом

Константин и наместница Ольга.

*«Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»;
но это было уже в веках, бывших прежде нас».*

Книга Екклесиаста, глава 1–10

Глава первая: святые реликвии

Любуясь красотой дворца, император Константин Багрянородный по обыкновению вел неторопливую беседу с патриархом Феофилактом. Дворцовые постройки «царя царей» поражали своей роскошью. Константин, и сам знаток многих ремесел, собрал у себя поистине редкие предметы искусства, живописи и скульптуры. Резные украшения и лепнины, мозаика и витражи на окнах – все привлекало взгляд.

– Посмотри в окно, Феофилакт, на дворцовую гавань и статую Вуколеон. Как это символично! Лев сражается с Быком. Солнце с Луной. Рим с Карфагеном. Иисус с Сатаной. Они вечно противостоят друг другу, но в этом противостоянии обречены, быть в Единстве. И рождается из этой бесконечной войны – Божественное Равновесие. Стоит лишь одной из сил, на короткий миг одержать верх – все, крах, разрушение, смерть. В этом и состоит ответ на извечный вопрос: «Почему Всевышний так редко вмешивается и не наказывает Зло?».

– Я понимаю тебя. Зло одних людей является добром для других! И ты утверждаешь, что своим бездействием Всевышний поддерживает равновесие?

– Абсолютно верно! Бог не может быть на чьей-то стороне. Он сохраняет общее равновесие жизни. И вмешивается в дела людские, только если преобладает одна из сил. Как во время Потопа. Это и есть пример для подражания. В этом и есть смысл нашей политики.

– Патриарх Болгарии жалуется на агрессивность богомильских общин в своей епархии, – стал рассказывать патриарх о проблемах у северных соседей. – Это неудивительно, если вспомнить, что первый епископ у болгар был учеником апостола Павла. Не успели мы покончить с ересью павликиан в Тефрике, а она уже проявилась в Болгарии. Патриарх ждет моего совета. Что ответить ему, Константин? Может жестче карать инакомыслящих? Как мы делали это в Калабрии и Неаполе?

Константин немного подумал, разглядывая галеры и рыбацьи лодки, движущиеся по водной глади мимо дворцовой гавани. По его приказу Великую гавань украсили привезенными из разных мест статуями и устроили там великолепный пруд с золотыми рыбами.

– Это срабатывает не всегда. Надо точно знать, когда и против кого применить жесткие меры. Карательные меры, применяемые огульно и массово, лишь ненадолго устраняют проблему. За малой «кровью» приходит большое кровопролитие. А всякая война – это разорение земледельческих общин, разрушение караванных путей и торговых связей.

В халифате не было бы «черно-белого» кошмара, избери «зеленые» мусульмане путь диалога. Небольшими компромиссами сектантов надо было поставить на путь служения власти, а не ее разрушение. Надо было набраться мудрости, чтобы управлять их главарями. Это путь более длительный, но в конечном итоге более результативный.

Отпиши письмо патриарху болгар, и посоветуй ему начать диалог с епископами сектантов. Но остереги пока от казней и кровавых столкновений. Пусть пока выявляет вождей. Через них он найдет «щедрую руку» снабжающую сектантов золотом. Тогда настанет время жестких карательных мер – Константин усмехнулся – Наверняка и тут замешана Всемирная торговая организация Атиля.

Морской центр средиземноморской транзитной торговли между Востоком и Западом проходит через Византий. А он не подвластен малеху Атиля, председателю ВТО. Поэтому рахдониты, международные торговцы ищут альтернативные пути на запад. И один из них проходит через Болгарское царство. Сейчас оно слишком крепкое и независимое. Для того чтобы слепить там послушный рахдонитам режим, Болгарское царство надо сначала разрушить.

– Я понимаю, – кивнул головой патриарх.

– А наши заклятые «друзья» рахдониты весьма преуспели в деле свержения неугодных правительств, – продолжал объяснять Константин. – Например, при Омейядах халифат про-

цветал. Но только до тех пор, пока не вторгся на территорию хазар, нарушив налаженные торговые пути из Атиля, центра транзитной торговли в Тартарии.

Вот тогда они сошлись в жестокой схватке. В войне мечей халифы династии Омейядов делали ставку на мусульманскую веру, а малех рахдонитов на золото. И золото без веры в итоге победило веру без золота, – скаламбурил Константин.

– О чем ты говоришь? – Не понял Феофилакт.

– О том, как просто и незатейливо, друг мой Феофилакт, были свергнуты Омейяды в Халифате, – улыбнувшись, ответил Константин. – Поначалу грубая сила единой веры была сильнее: арабский полководец Маслама разбил хазар на Кавказе, а Мерван Глухой дошел до Атиля и заставил кагана Хазарии принять ислам. Но победило все же искушенное золото: председатель Всемирной торговой организации, всего лишь профинансировал сектантское движение Абу-Муслима¹ в иранском Хорасане.

– ???

– Этот бывший раб, с подсказки подосланного рахдонитами имама, извлек из рукава на свет Божий иных родственников пророка Мухаммеда. Потомков его дяди Аббаса. И в очередной раз грязный поступок был оправдан тезисом «ложь во благо».

Под черными знаменами разбойничьих объединений различных этнических племен Хорасана собрались гонимые «белые» и, разумеется, всегда недовольные «красные»: крестьяне и кочевники. И даже гяуры, не мусульмане. «Черные» разрушили единый арабский Халифат и утопили в крови всех, кто не с ними. Они ударили в самое сердце халифата в Дамаске. Единая империя «зеленых» распалась на отдельные халифатики.

Когда прошла эйфория победы, первый халиф «черных» ас-Саффах² под давлением богатых торговцев жестоко расправился с нищей «красной» беднотой и «белыми» анархистами. А его приемник аль-Мансур казнил всех «туркур», немусульманских вождей из Хорасана, кто привел его к власти, не исключая и самого Абу Муслима.

Столица халифата из Дамаска переместилась к персам в Багдад. Он и стал новым центром мировой транзитной торговли в Азии, на радость Всемирной организации рахдонитов. Вот это я и имел в виду, когда говорил, что в тот раз золото победило веру. Усилия рахдонитов оправдались.

– Постараюсь убедить патриарха болгар внимательней присмотреться к сектантам и тем, кто их поддерживает, – решил Феофилакт. – А что же Атиль? Тебя не беспокоят наши конкуренты на мировое влияние?

– Рахдониты... – задумчиво протянул Константин. – Основатели древнего Карфагена и сегодняшнего царства Атиля. Люди без родины. Пауки, опутавшие своими сетями весь мир. Они называли себя по-разному: и Всемирной торговой организацией, и Советом торговых общин и Орденом, защищающим торговые пути. Но суть всегда оставалась прежней. Во главу угла поставлено не равновесие, а нажива.

Во многих странах, царь, князь или иной вождь традиционно выбирается народом. Обычно на престол садится предводитель, одержавший победу в войне над врагами, опираясь на мечи ополчения, т.е. на самую активную часть народа. В мирное время царь обязан заботиться о своих избирателях. Он гарант защиты и справедливости. В противном случае, царь не оправдывая чаяния народа, может быть свергнут.

В Атиле все наоборот. Там правит не военный вождь, а премьер министр, председатель Всемирной торговой организации. Избранный хазарским народом каган – марионетка малеха рахдонитов. Каган лишь кукла, выставленная на показ. И это очень удобно! Например, когда

¹ Абу-Муслим Абд ар-Рахман ибн Муслим аль-Хурасани (700—755) – вождь хорасанского восстания, которое свергло с престола Арабского халифата Омейядов и привело к власти Аббасидов.

² Абу-ль-Аббас ас-Саффах «кровавый мясник» (722—754) – арабский халиф с 749 года, первый из династии Аббасидов.

народ недоволен государем. Что? – Константин изобразил народное возмущение. – Каган не заботиться о своем народе? Ах, он негодяй! Долой его! Пожалуйста. И кагана показательно удушают по распоряжению его премьер министра. А на его место народу предлагают избрать нового кагана.

Но что от этого меняется? Народ продолжает нищенствовать. Не развиваются искусства, чахнут ремесла. Учебные заведения становятся привилегией для детей богачей. Строятся не города, а склады и караван сараи. А почему? Потому что вся власть остается не у вождя хазар, а у его первого министра. А он не зависит от народного волеизъявления. А раз не зависит, следовательно, и не думает о том, чтобы дать что-нибудь своему народу взамен.

На первом месте у главы рахдонитов благо для себя и себе подобных, «избранных». И если для этого надо будет превратить весь народ в рабов, он, не колеблясь, сделает это. Хорошо чувствуют себя в Атиле только профессиональные наемники, чье умение владеть мечами щедро оплачивают эти самые, так называемые избранные.

– Мне рассказывали, что их воины алларисии увешаны золотыми изделиями с ног до головы, – вспомнил Феофилакт. – И в Боспорской епархии алларисии всячески угнетают христиан.

– Вот-вот. Поэтому, друг мой Феофилакт, нельзя допускать, чтобы реальная власть попала в руки тех, кто не зависит от народного волеизъявления. Страшно, когда во главе государства стоит тот, кто посвятил свою жизнь добыче сверхприбыли.

– Значит, война с Атилем неизбежна? – Спросил Феофилакт

– Атильское государство победить несложно, и Маслама это доказал наглядно, – подумав, ответил Константин. – Но в этой войне мало смысла. Сколько не руби Гидре голов, на месте одной вырастают две. Поэтому я предпочитаю Гидру укротить и держать на коротком поводке.

– Понимаю, – согласился с базилевсом Феофилакт. – Только поводок должен быть крепкий. А то Гидра быстро сожрет зазевавшегося хозяина, – пошутил он.

– Это точно, – улыбнулся вместе с патриархом и базиевс. – Ну а как прошла твоя беседа с нашей северной гостьей Хельгой? – Поинтересовался Константин, когда снова стал серьезен. – Что ты скажешь о регентше Русов?

Теперь ненадолго задумался Феофилакт.

– Она очень умна и образованна, Константин, – серьезно ответил он. – И разговаривать с ней нужно серьезно. Давить на нее бессмысленно. Нужно аргументированно убеждать. Если она станет другом, то не за блестящие побрякушки или продавшись за золотые монетки. Пустыми обещаниями о красивой жизни ее тоже не купить.

– Хм. Вижу, она произвела на тебя глубокое впечатление, – хмыкнул Константин. – А как она объяснила сожжение целого города своих подданных? Христиан, находящихся под нашей защитой.

– Как я понял, это как то связано с пропагандой Атиля. Тервинги сожженного Керстения и грейтунги княжества Дороса Таврического склонялись к союзу с Хазарией. Очевидно, что под благовидным предлогом волеизъявления народа, каган Хазарии планировал вернуть обратно эти территории. Подкупленные олигархи Керстения спровоцировали народные беспорядки. Вдова вынуждена была поступить жестко, что бы сохранить государство для своего малолетнего сына.

– И это было правильное решение, – одобрил Константин. – Полумеры там не спасли бы ее. Как я уже упоминал, «зеленые» олигархи и «красное» простонародье – ужасная смесь, легко свергающая царей и разрушающая государства.

Непреднамеренно вдова росов оказала Византии услугу, покарвав еретиков предателей. Ну что же, если ты отпустил ее грех, на который она решилась ради своего отпрыска, я тоже прощу ей самоуправство и приму ее посольство.

– Когда? – Полюбопытствовал Феофилакт.

– Марианн Аргир навел порядок в Неаполе и Калабрии, очистив Лангобардию от исламистской заразы. Победа объединенного флота Византии и иберийских арабов над флотом Фатимидского халифата у Сицилии завершила блестящую компанию этого года, рассуждал Константин. – Как только закончится триумфальная встреча и чествование победителей на ипподроме, тебе Феофилакт предстоит провести свадебную церемонию. После свадебных торжеств я приму посольство Хельги. А до тех пор, распоряжусь, чтобы паракимомен Василий обеспечил наместницу и ее людей почетными местами в ложах ипподрома, ну и всем необходимым. Росам полезно будет увидеть мощь и славу Византии.

– Константин, я что-то не успеваю за твоими мыслями. Возможно, я что-то упустил. О какой свадьбе ты говоришь? Ты что собираешься женить наследника Романа? На ком?

– Роман хочет взять в жены девицу из провинции, – объяснил Константин. – Впрочем, ты знаешь о ней.

– Да, об этом уже шепчутся даже лошади у меня в конюшне. Но она же, мимическая актриса, хоть и из касты скотоводов, – сыронизировал патриарх.

– Во-первых, ты сам говорил, что Иисус стер различия между сословьями и кастами. Во-вторых, мне доподлинно известно, что она внебрачная дочь шаха Марзубана Мусафариды, правителя Мидии Атропатены. Он входит в родоплеменное объединение дейлемитов Персии. А они влияют на политику Багдада. Анастасия – неплохой козырь в нашей восточной политике, если правильно разыграть эту партию. В-третьих, ее мать принадлежит к побочной ветви Мамиконянов, славного рода потомственных военачальников Великой Армении. И одного этого достаточно для принятия ее в царскую семью.

И последнее. Она в положении. И возможно это будет мой долгожданный внук. Поэтому свадьбу наследника необходимо провести до срока родов. К тому же это лишний повод показать непоколебимость империи. Укрепить дух подданных поводом для веселья, поразить богатством союзников, а мощью устроить врагов.

– Я поражен, сколько сведений ты успел собрать о своей будущей невестке. – Высказался ошарашенный патриарх. – И все же. Прошлой зимой она выступала с группой мимов на рыночной площади, где перемывали кости, в том числе и мне, на глазах у всего города. А еще выступает в амфитеатрах, где ставятся пьески короткие, но очень насмешливые и исключительно непристойные. Сразу вспоминается Святой отец Златоуст, который вопрошал: «Откуда чародеи? Не из театров ли они выходят, чтобы возмущать праздный народ и доставлять случай пляшущим пользоваться выгодами многих смятений и блудных жен ставить преградою для целомудрия?..»

– Да брось ты, – отмахнулся базилевс. – Она молода и своей игрой завоевывает поклонников. А в Царском городе мимы везде играют одинаково в день Зимнего солнцестояния. Потому что раз в году все равны. И исключений ни для кого не делают, ни для священников, ни для царской семьи. А время, когда на подмостках выступали одни мужчины, давно минуло.

Кстати, председатель правительства Василий рассказывал мне, что ее мать Цира тоже весьма талантливая актриса. Она сумела поставить театр Гитио на службу церкви. Почему бы тебе не подумать о том же и не перенести этот полезный опыт в столицу? Вместо того чтобы обвинять мимов в непристойности. Но это второе. Скажи мне главное. Как она показалась тебе?

– Ну, играла, на мой взгляд, весьма недурно, потешая мирское простонародье, – подумав, ответил Феофилакт. – Да и внешне полна соблазнов. Прости Господи! – Патриарх перекрестился. – А как к этому относится севаста, моя сестра?

– Моя супруга занята больше благотворительностью, чем театром. Впрочем, она согласится со мной, – уверенно ответил базилевс, но патриарх в сомнении покачал головой.

– Наша святая обязанность, нести слово Божье народам, искореняя язычество, мессианство и прочую ересь. И в этом мне помогут Святые реликвии и артефакты, а не театральные представления.

– Мне кажется, ты недооцениваешь роль постановочных сцен и переоцениваешь роль артефактов.

– Эту роль невозможно переоценить, – горячо возразил патриарх. – Царский город благодаря им стал главным духовным центром Новой веры, подлинным Иерусалимом. Пусть патриархии Александрии и Антиохии древнее. Зато по количеству Святых реликвий ни одна кафедра не сравнится с Константинополем. У нас и гвоздь и титла INRI и наконечник копья Гая Кассия и даже Крест Животворящий. А чем может похвастать кафедра Рима? Наконечником копья, сделанным из ржавого гвоздя, который подарили Карлу франкскому?

– А тебе не кажется странным, Феофилакт, что все эти артефакты были обретены после того, как Константин Великий послал свою мать Елену в Иевус, чаще именуемый Иерусалимом палестинский. Ее путешествие было предпринято не столько с целью паломничества, как больше целенаправленно для поиска Святых христианских реликвий.

Вместе с Крестом Господним Еленой тогда были обретены четыре гвоздя, титла и наконечник копья предводителя римского отряда. После этого Константин стал награждать своих единомышленников некоторыми из этих артефактов.

Получилось так, что один гвоздь попал в Рим. Оттуда к Карлу франкскому, как символ так называемой Западной империи, вместе с ключами Святого Петра. Теперь этот гвоздь, вделанный в копье, принадлежит королю Оттону, – заметил Константин.

– Да что говорить, в каждом захудалом городишке есть своя Святая реликвия, свой артефакт! И у нас, и в сиятельной Александрии, и в провинциальной Мцхета также есть Священные гвозди. И что, все они могут претендовать на свою исключительность? Зато у нас хранится наконечник Копья Судьбы и часть Животворящего Креста, на котором был распят Иисус, – благоговейно сказал патриарх.

– В Иевусе утверждают, что подлинный наконечник остался у них, следовательно, Елена вывезла копию, – заметил Константин. – А католикос всех армян говорит, что и в Иевусе, и у нас лишь жалкие копии. Подлинный же наконечник принесен в персидскую Армению апостолом Фаддеем, где он и хранится, по сей день.

Что касается Животворящего Креста, то практика отделения частиц от вновь обретенного Креста началась уже при севасте Елене. По дороге в Константинополь она оставляла его частицы в основанных ею монастырях. – Константин замер задумавшись. Потом хлопнул себя по лбу. – Очень хороший почин для укрепления веры. Почему бы и нам не последовать ее примеру?

– Что ты имеешь в виду?

– При царской сокровищнице можно открыть хранилище и мастерскую под твоим началом. Частицы Животворящего Креста можно будет помещать в этом реликварии и награждать от моего и твоего имени по всему миру, укрепляя веру.

– Где взять столько частиц Креста? – Хмуро усомнился Феофилакт.

– Пустое. Мир и так пропитан ложью, – успокоил его Константин. – Пока персы владели Иевусом, огнепоклонники, возложив кучу бревен, сожгли часть Гроба и остатки Креста. Но по официальной версии принято считать, что христиане скрыли его, из-за чего многие из них были убиты. А потом, чтобы услужить базилевсу Ираклию, евреи извлекли спрятанный Крест, разрезав, разделили на много частей и по церквам распределили....

В Константинополе, кроме креста от Елены, есть еще три частицы креста привезенных отсюда же. В самом Иевусе осталось четыре. А есть еще на Кипре – два и в Антиохии – три. И по одному фрагменту хранится в Эдессе, в Александрии, в Аскалоне, в Дамаске, в Мцхета. Если собрать все частицы воедино, получится не одно дерево...

В этом случае опять сработал принцип: «Ложь во благо». Раввины иудеев сделали вид, что сохранили Святую реликвию. Иракий сделал вид, что поверил им. Ведь священен не сам предмет. Гораздо важнее вера в него людей. Именно эта вера и делает ржавый гвоздь чудодейственным артефактом. И тот, кто им обладает, считается отмеченным Богом и ведомый рукой Судьбы.

– Как наша держава, ибо только мы обладаем не только наибольшим количеством Священных реликвий, но и останками вселенских учителей и Отцов Церкви. – Продолжал упрямо гнуть свою линию патриарх. – И я благодарен тебе Константин, что, несмотря на твои предубеждения, ты все-таки распорядился перенести мощи Григория Богослова³ из Назианза в церковь Святых Апостолов в Царский город. Теперь город Константина находится под его опекой, как и под покровительством Святого папы Иоанна Златоуста. Что может быть лучше, для величия столицы? – Удовлетворенно заметил патриарх.

– В сборе артефактов должна быть мера, – поморщился Константин. – Например, я не одобряю возврат в Константинополь честную главу Иоанна Крестителя после ее Третьего, на мой взгляд, очень сомнительного обретения в Команах, в царстве Абхазии. И не одобряю перенос мощей Иоанна Златоуста из тех же Коман в Константинополь во времена базилевса Феодосия. Мощи Святых просветителей, по моему убеждению, должны находиться в местах их упокоения, и способствовать укреплению веры в тех землях, о которых они радели при жизни.

Ну а что касается самих артефактов, то люди всегда будут искать предметы, через посредничество которых они будут говорить с Богом. И в этом отношении иконы православных занимают тоже место, что и Ковчег Завета, Скрижали и посох Аарона для иудеев, а Черный Камень и вещи пророка Мухаммеда для мусульман.

И смысл целования этих предметов в том, что верующий учится полностью подчиняться своему Господу, а в предписанных Им законах и ритуалах есть мудрость и благо. Безвозвратно прошли времена скифов и то, чему учил один из них, Моисей. Бог – это Небо над головой, а огонь костра – посредник между миром людей и миром богов.

Патриарх не успел ничего сказать в ответ.

– Его Высочество, цезарь Роман, – объявил дворцовый слуга-евнух и в покои, скорым шагом вошел наследник престола.

– Что случилось отец? Я смотрел скачки на ипподроме. Гнедая Мели должна была финишировать первой, и я выиграл бы приличный куш. А тут меня срочно вызывают к тебе. Что за спешка? – Недовольным голосом спросил Роман.

Ложа базилевса на ипподроме была соединена галереей с Большим Дворцом, поэтому Роман был еще под впечатлением проводимых скачек.

– Гнедая Мели «голубых» не придет первой, это исключено, – воскликнул патриарх, не меньший любитель скачек. – Сынок, ты потерял свою ставку. Вороной Васпур «белых» – вот фаворит скачек.

Роман хотел было возразить, но Багрянородный встал и поднял руку.

– Прекратите! Я призвал тебя не для того, чтобы полюбоваться на твои спортивные баталии с отцом Феофилактом. Пора бы тебе уже образумиться и заняться делами государственными! Бери пример со своих сестер, – строго призвал Романа к порядку базилевс.

– Мой дорогой отец, сто лет тебе жизни, – пошел на попятную Роман. – Пока ты с нами, не о чем беспокоиться. А сестрам лучше заниматься благотворительностью. Не зря же они крутятся среди чиновников Василия. Вероятно, присматривают себе женихов. Я же изучаю политику с практиками, настоящими стратигами. Такими как братья Фока, когда они бывают в столице.

³ Григорий Богослов (329— 389 гг) – архиепископ Константинопольский, христианский богослов.

– Политика делается не на полях сражений, а в тиши кабинетов. И уж тем более не на пирушках и скачках! – Константин сделал многозначительную паузу. – Ну да я тебя не за этим вызвал, – сказал он более мягким тоном. – Скажи мне прямо, ты еще хочешь жениться на актрисе Анастасии?

– Да, отец! Больше всего на свете. Скажи, что я должен для этого сделать? – Встрепенулся Роман.

Константин переглянулся с патриархом.

– Есть два условия сын, начал неторопливо Константин. – Во-первых, ты должен будешь половину своего времени проводить со мной, присутствуя на всех официальных торжествах и приемах, в том числе сопровождая меня в поездках по стране.

– Согласен! – Взвился от радости Роман.

– Не перебивай, государя, – с ухмылкой глядя на радость любимого сына продолжил Константин. – И второе. До дня свадьбы, Анастасия должна будет провести в резиденции у патриарха. – Твердо сказал Константин. – Никаких выступлений, никаких театров. Только молитвы, покаяние и изучение законов Божьих.

– Есть у меня благочестивейший монах Полиевкт, на которого я возложил обязанность проповедовать Слово Божие в храме Святой Софии. Обычно дважды в неделю, но иногда ежедневно, он проповедует, при стечении народа потрясая сердца слушателей. Вот ему-то я и поручу взять мою гостью на попечение, – с умильной улыбкой сказал Феофилакт, радуясь в душе, что хоть ненадолго избавится от своего Цербера. – Это будет полезно им обоим.

Я слышан о представлениях, исполняемых в деревенских церквах Сирии и Верхней Армении. Там, где священников видят реже, чем мимосов. Посмотрим, так ли талантлива в постановках литургических представлений дочь, как ее мать. Со своей стороны Полиевкт преподает ей наставления о церковном уставе, о молитве, посте, милостыне, о сохранении чистоты душевной и телесной.

– Прекрасно, отец Феофилакт, – одобрил патриарха Константин. – Главное, что ты Роман не должен видаться с ней до проведения обряда венчания.

– Согласен, – с унылым видом ответил Роман.

Глава вторая: обычаи, театр и христианство

Минул месяц. В Вербное воскресенье Царский город потрясла литургическая драма, разыгранная в храме Святой Софии. После вечерней службы там было разыгран Страшный, или как говорили в простонародье, последний суд.

Просцениум-амвон служил в храме местом сцены, которое изображал «грешную землю», а алтарь за закрытым занавесом – рай на небе.

Действующими лицами этой литургической драмы выступали: Христос, роль которого исполнил пресвитер Полиевкт, и народ, который изображался хором дьячков со священником во главе. Священник исполнял роль корифея хора.

Сотни верующих собрались на площади возле храма. Некоторым посчастливилось попасть внутрь. А те, которым не посчастливилось, жадно ловили слова добровольных рассказчиков, описывающих сцены происходящее в храме.

Гомон на площади стих, когда священник в полном облачении, с серебряным крестом в руке, на просцениуме преклонил колена перед закрытым занавесом и стал «молить с плачем». Он обращался к богу, слезно-молящим голосом взывая: «Милосердия двери отверзи нам!». В благоговейной тишине священник несколько раз ударил серебряным крестом по деревянному помосту, как бы стуча в двери рая.

В ответ второй исполнитель сольной партии литургической драмы, пресвитер Полиевкт, стоящий в алтаре за закрытым занавесом, грозно спросил: «Кто стучит во врата рая? Через врата господни проходят только праведники».

Священник с просцениума стал громко возражать, что не только праведники могут войти в рай, но и грешники, если они исповедались, причастились, замолили свои грехи и тем самым, мол, заслужили прощение.

Так они препирались и обменивались репликами некоторое время, пока в действие не вступил хор дьячков. Своим пением они изображали «мольбу народа о милосердии божьем».

Тогда в ответ из-за занавеса снова возвестил Полиевкт, что «трубы грозного бога громко гласно взывают: се грядет жених, спешите ему навстречу!». Священник с просцениума слезно отвечал, что он и его «дети, которых дал господь», «жаждут лицезреть Христа и услышать благостный голос его».

Зрители внутри храма присоединились к мольбам священника: «Милосердия двери отверзи нам!». Эти слова подхватили на площади и вскоре все собравшиеся в едином порыве скандировали эту мольбу.

Вся эта тщательно разученная и гладко разыгранная сцена рассчитана была на то, чтобы подготовить аудиторию к дальнейшему театрально-эффектному зрелищу. Произносимые «слезножалобными голосами» мольбы оказались услышанными на небе. На просцениуме занавес раскрылся, и перед собравшимися в храме предстало яркое зрелище «рая», озаренного светом бесчисленных свечей, украшенного переливающимися в огнях драгоценными камнями, золотом и серебром. Святая София наполнилась благоуханием ладана, так же как в свое время античные театры наполнялись ароматами воскуриваемых благовоний.

Постановка имела в столице громкий успех. Феофилакт навестив Багрянородного базилевса в царском дворце не мог сдержать похвальных слов.

– Государь! Ты не ошибся! Эта девочка действительно талантлива. Представление имело огромный успех. Площадь перед Святой Софией не могла вместить всех желающих. Слух о чудесном представлении разлетелся мгновенно по всем окрестностям. Посмотреть на воссозданный «рай на земле» стремились и городской охлос, и жители предместий и гости из других земель, – восторженно рассказывал патриарх базилевсу. – Следующий шаг – это постановка Пасхальных мистерий, успешно принятых паствой в портовом городишке Гитио.

– Ну что ж, мы не ошиблись в ней. Прекрасная пара для наследника, – усмехнулся довольный Константин.

...

В конце лета в порту Гитио пришвартовался царский дромон. Служащий порта из ведомства эпарха, растерянно заикаясь, приветствовал именитого гостя на борту галеры. Как же. Сам магистр Никифор Фока прибыл в городок. Прибыл один, и, кажется, с неофициальным визитом. Его сопровождала только личная охрана. Посыльные со всех ног помчались оповестить коменданта гарнизона и эпарха города.

Магистр не спеша, собрался и сошел с корабля. На берегу высокого гостя первым приветствовал комендант Кон Сивас. Портовые равдухи выстроились в шеренгу за начальником. Они выпячивали грудь и надували щеки, стараясь показать свою молодцеватость.

Магистр молча выслушал доклад Сиваса и сухо его поприветствовал. После этого вся делегация отправилась во дворец эпарха. Эпарх и его служащие встретили магистра у входа в здание курии и, обменявшись приветствиями, прошли внутрь. Там Никифор попросил Алана пропустить официальную часть и отпустить собравшихся чиновников восвояси.

Оставшись с глазу на глаз, Никифор сказал эпарху:

– Царь царей Константин Багрянородный одобрил выбор наследника и назначил время свадьбы царевича Романа и его избранницы. Торжественная церемония пройдет осенью в Царском городе. Ты ничего не слышал об этом, эпарх?

– До нас столичные новости доходят не так быстро, – пожал плечами Алан.

– А тебя не удивил мой внезапный приезд? – Продолжал тянуть время Никифор.

– Что? – Теперь встревожился Алан. – Что-нибудь случилось с Анастасией?

– Ты необычайно проницателен, – расплылся широкой улыбкой Никифор. – Твоя дочь избрана невестой Романа.

Алан выглядел несколько ошарашенным, но как воин ветеран смог быстро взять себя в руки.

– Не буду скрывать. Это очень неожиданное сообщение, – засуетился он. – Надо немедленно сообщить Цире!

– Что ж, поехали, – поддержал его Никифор. – Только прошу тебя, без лишнего обоза. Надеюсь, у тебя найдется в конюшне десяток лошадей для меня и моих телохранителей. Вполне достаточная свита. И распорядись, чтобы остальных моих людей разместили в городских казармах и поставили на довольствие, – наставлял Никифор слегка потерявшего голову эпарха.

Алан быстрым шагом пошел к выходу.

– Седлать 12 коней – отдал он распоряжение службе, стоящему возле дверей. Как видно некоторые слухи все же стали достоянием горожан. Когда эпарх закончил с распоряжениями для своих служащих, его перехватил Сивый Конь:

– Это правда?

– Да, друг, – Алан не скрывал своей радости. – Наследник престола венчается с Анастасией. Я отправляюсь в имение, чтобы обрадовать Циру. Прошу тебя рассели воинов сопровождающих магистра в казармах и поставь их на довольствие. Многие на радостях напьются. Удвой городскую охрану во избежание неприятностей. Они сейчас нам ни к чему. Оповести аристократические дома и старшин цехов. Тебя и остальных гостей я жду сегодня вечером на клиторий у себя в усадьбе.

– Не беспокойся за город, – заверил Алана Сивый Конь. – Я все устрою. Поезжай спокойно.

Не теряя больше времени на разговоры, кавалькада отправилась в путь.

Завидев пыль на дороге, поднимающейся из-под копыт приближающихся всадников, домочадцы немедленно оповестили об этом хозяйку поместья. Сердце Циры забило от тре-

вожных предчувствий. Но когда Алан с Никифором, едва соскочив с лошадей и стряхнув дорожную пыль, предстали перед Цирой, она уже была готова к любому повороту событий.

Цира стоя ожидала мужа с гостем в центре большой залы поместья. За ее правым плечом, сзади и чуть в стороне, стоял на всякий случай вооруженный Кахраман.

Алан и Никифор остановились в десяти шагах от нее. Обычаи не позволяли Алану проявлять свои нежные чувства к жене на людях.

– Дорогая жена! – Начал торжественно Алан. – Магистр Фока оказал нам честь. Он привез весть от царя царей. Наследник престола сделал свой выбор. Роман предложил нашей дочери стать его супругой и матерью их детей. Анастасия ответила согласием. Прославленный магистр прибыл в Гитио, чтобы пригласить нас в Царский город на венчание.

– Уважаемая Цира! – Добавил Никифор. – По старинному обычаю, как всякая мать, ты должна перед венчанием благословить дочь на этот союз. А отец – сопроводить дочь к алтарю.

Цира побледнела, у нее ослабли ноги. Внезапная весть огорошила ее. Кахраман подхватил ее за локоть, подвел к ближайшему стулу и осторожно усадил. Затем так же молча, отступил и встал за ее спиной.

– Как же мальчики, поместье, театр? – Бормотала она, пытаясь привести мысли в порядок. – У нас нет дома в Константинополе. Где мы будем принимать царевича Романа?

Вперед снова выступил Никифор.

– Достопочтенная Цира. Прошу, выслушай меня, – начал неторопливо говорить Никифор, давая время присутствующим усвоить информацию. – Я сам упросил Багрянородного отправить меня с радостной вестью к вам, чтобы здесь на месте разрешить все вопросы, связанные с предстоящей свадьбой.

Алан с Цирой переглянулись.

– По нашим древним обычаям, после венчания невеста должна находиться в доме родителей мужа, принимая поздравления и подарки многочисленных гостей. А жених, оказывая уважение родителям невесты, должен быть в их доме. До той поры, пока молодые, воссоединившись, не войдут в опочивальню собственного дома.

– Это так, – подтвердил Алан.

– Я вижу твоего брата, уважаемая Цира, который с честью исполняет обычаи предков. Он служит верной опорой дома Алана и воспитывает ваших сыновей, – магистр указал на Кахрамана. – К сожалению, у севасты Елены осталось только два брата: один священник, другой бюрократ. Поэтому Роман набожен и образован, но в воинском искусстве имеет подготовку слабую. Рано или поздно, но Анастасия подарит ему наследника. По обычаю, его воспитателем и крестным приемником отца от святой купели должен стать брат Анастасии. Но что делать, если ее родные братья еще сами малы?

– К чему ты клонишь, магистр? – высказал общий вопрос Алан.

– В твоём доме епарх уважают обычаи предков. В противном случае мое предложение не имело бы смысла. Я хочу стать крестным отцом и приемником Романа для детей Анастасии. Своей семьей я не обременен – моя жена умерла вскоре после рождения единственного сына. Он – это все, что осталось у меня и удерживает в этом мире. Теперь же я хочу воспитывать будущих детей Анастасии, как своего собственного. Для этого прошу тебя Алан оказать мне честь и принять в свой род. А к достопочтенной Цире я обращаюсь со смиренной просьбой об усыновлении.

Алан и Кахраман озадачено переглянулись. Цира же даже глазом не моргнула. Невозмутимая, она сидела, гордо выпрямив спину, похожая на античную статую.

– Если вы окажете мне честь и согласитесь, то прошу провести обряд усыновления сегодня же вечером. В присутствии гостей, которые съедутся на клиторий. – Продолжал говорить Никифор. – После проведения обряда, вы с домочадцами, на законном основании смо-

жете останавливаться в доме своего сына в Константинополе. А я, клянусь честью, стану любящим братом для Анастасии и достойным воспитателем царских детей.

– Твоя репутация магистр известна. И я почти за честь породниться с тобой, – сказал эпарх магистру после некоторого молчания. – Не боишься, что церковники воспримут старинный обряд, как проявление язычества?

– Старинные обычаи народа – это не язычество, – возразил Никифор. – Священники их не одобряют, но и не препятствуют им. Запрещать их – это все равно, что плевать против ветра.

– Не надо ссориться с церковью, – внезапно сказала Цира. – Я что-нибудь придумаю.

Алан и Кахраман снова переглянулись. Мужчины поняли, что она согласилась выполнить просьбу магистра.

Вечером к усадьбе эпарха потянулись экипажи и отдельные верховые. Собирались гости. Алан и Цира встречали вновь прибывших гостей возле входа в центральный зал усадьбы, принимая поздравления. Из дальнего угла раздавались чарующие звуки арфы.

Когда зал наполнился, перекрывая голоса, раздался зычный голос Никифора, призывающий к тишине.

– Внимание! Прошу тишины и внимания!

Когда установилась тишина, Никифор подошел к Цире.

– Достопочтимая госпожа! Перед лицом твоих гостей и домочадцев смиренно прошу тебя об усыновлении. И пусть присутствующий здесь служитель Божий и собравшийся народ будут свидетелями в искренности моей просьбы.

С этими словами прославленный полководец опустил на колено и склонил голову.

Наступила гробовая тишина. Собравшиеся стали расступаться, собираясь возле стен и освобождая центр помещения.

Сивый Конь вынес и поставил в центре зала резной стул. Цира, прекрасная актриса, медленно обвела взглядом присутствующих и села на стул, грациозно развернувшись чуть влево. К ней подошел священник со Священным Писанием в руках и встал за ее спиной, символизируя Всевышнего.

В зал вошли вооруженные Алан и Кахраман, сияя надраенными до блеска чешуйчатыми доспехами скифов и ножнами, украшенными камнями. Они подошли с двух сторон к Никифору и, ухватив за локти, помогли подняться. Не отпуская рук, подвели Никифора к Цире и помогли опуститься на колени возле ее правой ноги.

Потом мужчины встали по бокам. Они развернулись лицом к собравшимся гостям и обнажили кинжалы. Так они частично заслонили участвующих в ритуальном таинстве. Одновременно они символизировали собой защитников рода и зарождающейся жизни.

Как только защитники заняли свои позиции, Цира не торопясь, и даже как-то обыденно обнажила свою правую грудь. Никифор обхватил ее сосок своими губами.

Священник возвел очи и забормотал молитву Отцу Небесному.

– Благослови Боже сие таинство! Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь. – Закончил молитву священник. Цира убрала под платье свою грудь.

– Встань сын мой! – Сказала она, поцеловав коленопреклоненного Никифора в голову.

Никифор приподнялся и, пятясь, отступил назад на пару шагов. Там он остановился и выпрямился во весь рост. Алан с Кахраманом вложили кинжалы в ножны и первыми поприветствовали нового родича крепкими объятиями.

Глава третья: пираты

Наварх Василий Гэксамилит со своей эскадрой базировался у побережья полуострова Пелопоннес. В его задачу входило не допустить проход пиратских кораблей с острова Крит и сирийско-киликийского побережья Азии к греческим портам. Пока что он только вел наблюдение за перемещениями редких галер противника, совершая дозорные ходки вдоль побережья Византии. Молодой и горячий, он жаждал подвигов и славы.

На острове Эвбея, в портовых корчмах коротали время моряки трехпалубного флагманского дромона, вспомогательных галер флота и ладей федератов. В углу, за столом сидел мрачный викинг рих Эрман Рыжий. К нему подсел конунг Хильд Большой Топор с кувшином вина и разлил его в чарки.

– Скажи мне свей, почему тебе не сидится на Руси? – Угрюмо спросил Эрман у Хильда, осушив чарку до дна. – Династические войны в Приднепровье закончились в пользу Рюриковичей. Теперь при дворе вдовы Игоря варяги живут как сыр в масле. Чего тебе еще надо?

– Вот потому и не сидится, – усмехнулся Хильд. – Скучно.

– А тут весело... – криво усмехнулся Эрман.

– Не спорю. Сейчас и тут скучно, – мотнул косматой головой Хильд. – Ну, а ты почему такой мрачный, Херман? Или пряное вино ромеев тебя не веселит уже, или соскучился по родной медовухе? – Как все свей, Хильд произносил слова с ужасным акцентом.

– О, я догадываюсь! Ходят слухи о скорой свадьбе наследника Романа. Кажется, ты говорил, что знаком с его невестой?

– Я говорил, что ее отец – мой боевой товарищ, – поправил Хильда Эрман. – Тут другое. Послушай, Хильд. Ночью мне приснился Перкунас. Он сверкал глазами и манил за собой. Видимо мой путь под этими звездами близится к концу.

– Все мы рано или поздно попадем в Вальхаллу, – философски спокойно ответил Хильд. – Боги любят храбрецов. Покажи-ка тот медальон, что подарил тебе твой товарищ, отец невесты наследника.

Эрман вытащил из-за пазухи золотой медальон с изображением головы Горгоны Медузы. Змеи вокруг головы с раскосыми глазами образовали пышный ореол. Свет, преломлявшийся от изумрудов и рубинов, впаянных по краям медальона, делал изображение живым. Казалось, что змеи шевелились. Вот-вот, казалось, послышится их шипение.

– Брр. Она напоминает мне кошмарные видения после похмелья, – сказал Хильд, отводя взгляд. – Неужели где-то подобное чудовище существует?

– Ха! – Наконец-то криво усмехнулся Эрман. – Это мать драконов Мидии, к тому же весьма почитаемая в Скифии. Злые духи без оглядки убегают от одного только ее изображения.

– Я очень понимаю «злых духов», – загоготал Хильд.

В корчму вбежал посыльный моряк. Увидев капитанов, протиснулся к их столу, в приветствии ударив кулаком по груди.

– Капитанов срочно созывает стратиг Василий на своем дромоне, – отчеканил он, и, повернувшись в зал, прокричал: – Приказ наварха стратига! Всем морякам немедленно вернуться на корабли.

– Что за спешка? – Угрюмо пробурчал Эрман, цепляя к поясу тяжелый тесак.

– Не могу знать, – отчеканил посыльный, и, бросив взгляд в сторону, полупшепотом добавил: – только что к причалу подошла галера с юга.

В каюте наварха стратига под капитанским мостиком, собирались капитаны кораблей. Дежурный матрос у входа, докладывал стратигу о прибывающих.

– Комиты федератов Германариг и Гильдериг. – Резкие звуки в именах северян были невыговариваемы для ромейского горла.

В адмиральской каюте дромона собрались пять конунгов с ладей федератов и еще двенадцать капитанов с греческой вспомогательной флотилии. Они шумно приветствовали друг друга и наварха Василия.

Дав капитанам кораблей, время чтобы разместиться за столом, Василий обвел взглядом собравшихся и поднял руку, призывая к молчанию. Когда гомон в каюте утих, Василий заговорил.

– По сведениям рыбаков, азиатский флот эмира Тарса, усиленный кораблями Кипра и Триполи сирийского, идут на Константинополь. Сейчас они зашли на Крит. Можно не сомневаться, что к ним примкнут и пиратские корабли этого острова. Их цель ясна – помешать, а в худшем случае омрачить триумф по случаю празднования победы наших войск в Лангобардии. В столице сейчас собрались и архонты Византии, и посланники других стран. Как дружественных, так и не очень. С заверениями «вечного» мира прибыли послы даже от эмира Сицилии.

– Рыбак рыбака видит издалека, – подшутил кто-то из капитанов. – А насколько верны эти сведения?

– Кентарх³⁰ Георг сам видел пиратский флот. По его мнению, нам их следует ожидать не позднее полудня следующего дня. Расскажи собранию, что ты видел, – повернулся к Георгу Василий.

– Их очень много, – доложил Георг. – Они шли к Криту ордером в линию. Я насчитал 24 корабля на горизонте. Да еще с десятков галер стоит на Крите.

Капитаны зашумели. Некоторые вскочили, судорожно хватаясь за рукояти тесаков.

– Тридцать против наших восемнадцати с дромоном и прибывшей галерой. Верная смерть. Надо слать вестовых за подкреплением.

– Молчать! – Василий ударил по столу. Кувшин с вином опрокинулся, залив стол красным вином. Все тупо уставились на это красное пятно, как на предзнаменование. Наступила тишина.

– А как же победа объединённого флота Византии и иберийских арабов Кордовы над флотом Фатимидского халифа у Сицилии? Разве там пиратов было меньше? – Вспылил Василий.

– У мыса Мазары флоту Гонгилы помог внезапно налетевший шторм, – проворчал один из капитанов. – А кто поможет нам?

– Может быть, отступим и подождём фемный флот Кивирреот³¹ из Анталы³²? – Предложил другой.

– Ждать мы не можем и отступить мы не можем, – возразил Василий. – В свете сложившихся обстоятельств я вынужден раскрыть сведения государственной важности, не подлежащие разглашению.

В Гитию находится магистр Фока. Он прибыл с неофициальной миссией для приглашения родителей невесты на обряд венчания в Константинополь. И это мероприятие произойдет сразу после триумфа победителей из Лангобардии.

В каюте повисла гробовая тишина.

– Теперь вы понимаете, что отступать нам некуда, – усталым голосом продолжал Василий. – Если что-либо омрачит радость царского венчания, виновных ждет позор и казнь. Отступим – смерть, останемся – смерть. Но, оставшись, ценой наших жизней мы сможем задержать флот агарян. И еще сможем отправить вестовых в Гитию и Константинополь. Пусть готовятся к нападению.

По мере того как Василий говорил, речь его становилась все громче и тверже.

– Дадим византийским стратигам время на подготовку к встрече врага. А сами умрем, но зато со славой! – Вскочил Василий, подняв руку с обнаженным тесаком.

Капитаны снова зашумели. Не все были готовы сложить головы «просто так».

– Разреши мне сказать, наварх, – начал не спеша Эрман, прерывая гомон.

– Говори, Германариг. – Василий устало опустился на стул.

– Отправить вестовых конечно надо. Но мать Слава предпочитает победителей, а не побежденных. Давай посмотрим, что мы имеем? – Эрман начал раскладывать на столе предметы. Все уставились на стол.

– Вот дромон, – он поставил кувшин с вином в центр стола.

– Вот наши галеры и ладьи, – он поставил впереди кувшина три кружки.

– А вот это флот азиатских арабов. – Он сгреб остальные кружки в другой конец стола и выстроил друг за другом – «змеей».

– В каждой ладье в среднем по пятьдесят воинов, на каждой галере около сотни человек гребцов³³ и морских пехотинцев³⁴, не считая флагмана. У противника и галер больше, и воинов. Следовательно, в абордажной сцепке нас задавят.

Капитаны загалдели – это и так ясно. На каждый корабль по два пиратских. Внезапно Эрман ударил по столу так, что кружки подпрыгнули.

– Тише! Я не все сказал. – Он обвел тяжелым взглядом присутствующих. После того как гомон прекратился, спокойно продолжал:

– А сказал я, что в абордажную схватку нам вступать не стоит. Но теперь подумайте, чего у нас есть, а у них нет? Чего бояться пираты? – Спросил Эрман и сам себе ответил: – Сифонафор с мидийским огнем!

– Да, но таковыми оборудован лишь флагманский дромон, – теперь живо заинтересовался и Василий.

Все уставились на кувшин, как на Мессию. И снова загалдели.

– Тишина! – снова проревел Эрман голосом, который перекрывал рев бури на море. Галдеж стих, и он снова продолжал спокойным голосом:

– Допустим, что дромон нападет здесь, на голову «змеи». – Он поставил кувшин перед тремя кружками.

– Я успею сжечь пару кораблей, – ответил Василий. – Остальные либо возьмут меня на абордаж, либо обойдут стороной.

– И такое же произойдет, напади дромон в любом месте этой «змеи». Значит, такой план нам тоже не подходит, – рассуждал Эрман.

– Как только агаряне завидят наш флот, они тут же перестроятся из походной колонны в атакующую стену, – предположил Василий. – Наверняка они тоже осведомлены о количестве наших судов. Поэтому, чтобы использовать свое количественное преимущество они построятся в двойную стену.

Василий расставил три кружки и кувшин в один ряд, а оставшиеся кружки выстроил, напротив, в два ряда.

– Таким образом, они пройдут по нам, как гребень по волосам, – подытожил Василий.

– Конечно, пираты перестроятся из «змеи» в двойную «стену», – подтвердил один из капитанов.

– «Стенка» на «стенку»?! Когда две противоположенные «стены» сойдутся, каждый из наших кораблей окажется между двух вражеских галер. А те, кто попытается вырваться вперед из абордажного кольца, попадет во вторую «стену» пиратов, – добавил другой.

– В первой «стене» пираты будут только обстреливать, стараясь нанести нам урон. А на абордаж возьмут наши корабли во второй «стене». Во всяком случае, я бы так сделал, – заметил конунг Хильд.

– Хоть так, хоть эдак. Все равно это чистое самоубийство! – Загомонили остальные.

– Это так, но если мы не переиграем их! – Эрман обвел тяжелым взглядом присутствующих капитанов.

– Не тяни коня за хвост, – не выдержал Хильд.

– Флагману надлежит встать здесь! – Эрман поставил кувшин за крайней из трех кружек. – Когда мы попадем под перекрестный огонь первой «стены», будет жарко. Но все корабли при этом сбросят ход. Пока мы будем отбиваться, дромон должен будет сделать маневр, развернувшись на одном из флангов. Встав на курс параллельно меж двух «стен».

Эрман поставил кувшин с краю, между двумя рядами «вражеских» кружек. – Заняв исходную позицию с флагмана должны подать сигнал флагом. По этому сигналу все корабли, сражающиеся с противником в первой «стене», делают то, что от них и ожидает враг. Они вырываются из-под обстрела галер первой вражеской «стены» и входят под обстрел второй. Галеры противника в обоих «стенах» будут какое-то время обездвижены. Вот тут вступает в действие и наш «бегун». Дромон на максимальной скорости проходит между вражескими кораблями выстроившихся в два ряда, поливая их огнем из сифонафор с обоих бортов.

Наступила тишина. Какое-то время каждый из капитанов обдумывал необычный план предложенный федератом.

– Галеры арабов тяжелее и медленнее. Передний ряд пиратских кораблей не успеет набрать ход, чтобы уйти из-под огня. А второй будет скован перестрелкой с нашими галерами, – у Василия начали загораться глаза. – Придумано толково, может получиться.

Его шумно поддержали другие капитаны. Как только смолк гвалт, снова заговорил Василий, обращаясь к капитанам:

– Решено! Мои трубачи протрубят дважды. Первый раз, когда я буду выходить к исходной позиции, на мачте поднимут бело-голубой флаг. И второй раз, перед тем как я начну поливать их огнем, поднимут красный флаг. Постарайтесь набрать ход и уйти с линии обстрела.

– Это значит, что для свободы маневра ни в коем случае нельзя позволять пиратам сцепляться для абордажа, – добавил Хильд. – А это неизбежно произойдет, если наварх задержится с исполнением своего маневра.

– Галеры врага выше. Стрел и камней будет много, поэтому чтобы прикрыть гребцов и стрелков надо будет соорудить навесы вдоль бортов и короб для кормчего, – добавил другой.

Капитаны снова зашумели.

– Если все сказано, утверждаю это решение, – подвел итог Василий – Завтра с утра выходим в море. Я на флагмане первый, за мной по старшинству. При обнаружении врага занимаем оговоренную боевую диспозицию. Совещание закончено. По кораблям.

Лазурное море. Легкий ласковый ветерок. Солнце и чайки. Мирная картина в пастельных тонах. На горизонте показались вражеские корабли. Один, два, три, десять... дальше не сосчитать.

Варяги встали на молитву:

– Отче наш небесный!.. – Начал Эрман, и все на ладье вторили ему. Завершив молитву, он обратился к своим воинам:

– Товарищи мои! Чем страшнее враг, тем почетней победа! Не посраим памяти прародителя Гаута! Перкунас благословит наше оружие! Вперед Гаутинги! Слава героям! Смерть врагу!

Смерть! Смерть! Смерть! – Повторяли воины в такт ударов мечей о щиты.

И вот сошлись два флота. Закружилась смертельная карусель. Вопящая, изрыгающая тучи стрел и камней схватка галер. Оглушительный треск поломанных весел и проломленных бортов. И вот внезапно в самой гуще скопления изуродованных кораблей появился «царский бегун», изрыгая огненные струи с обоих бортов.

Жидкое пламя полилось на вражеские корабли. Попав на палубу, мидийский огонь, который позже стали называть греческим, быстро разгорался. Его нельзя было потушить водой.

Яркое пламя разгоралось. Черный дым окутал галеры. Крики радости пиратов, от предвкушения победы, сменились воплями ужаса. Достигнутая, казалась, победа, мгновенно сменилась поражением. В считанные минуты весь пиратский флот был объят негасимым огнем. В отчаянии морские разбойники бросались в воду.

Капитаны, судам которых посчастливилось не попасть под огонь, в спешке разворачивали свои галеры, торопясь покинуть место морского пожара. Но их настигали византийские галеры и брали на абордаж.

Еще догорали некоторые суда, но сражение закончилось. После схватки, оставшихся в живых моряков вылавливали из воды... И своих и чужих.

В порт острова Эвбеи вошли изрядно потрепанные триумфаторы. Трем ладьям варягов и четырем малым ромейским триерам не суждено было вернуться в порт.

В каюте наварха на флагмане Хильд передавал Василию последнюю волю Эрмана.

– И когда все закончилось, я подошел к его горячей ладье, – рассказывал Хильд. – Даже затрудняюсь с чем-то сравнить ее. То ли с ежом, то ли с решетом. Живых я взял к себе на борт. Херман же не пожелал покинуть свою ладью, наполненную мертвыми телами. Он отправился с ними к своим предкам в Вальхаллу. Я просил его передать мой поклон предкам и приветствие Одину. Славная, хорошая смерть!

– Я не вмешиваюсь в ваши варварские обычаи, но мне доложили, что вы привязали женщину к мачте горячей ладьи. Зачем?

– Это была одна из корабельных шлюх пиратов. Мои товарищи выловили ее из воды. Очень кстати. Негоже было такому вождю, как Эрман отправляться в долгий путь на Небо без женщины, обслуживающей его.

– Его подвиг не забудут в Византии. Я позабочусь, чтобы причитающееся ему жалование было передано тебе. Ну а ты распорядись им по своему усмотрению согласно вашим обычаям.

Пропустив мимо ушей риторику Василия, Хильд протянул вперед свою ручищу и разжал кулак. На ладони лежал золотой медальон, с отвратительной Горгоной, изображенной на нем.

– Ты будешь в Константинополе на триумфе. Наверняка, тебя пригласят и на свадебные торжества. Секонунг дал мне это, и попросил, чтобы ты передал его невесте царевича Романа со словами: «Это подарок на свадьбу от риха Хермана Рыжего».

– Я исполню последнюю волю героя. – Василий взял медальон из ладони викинга.

Флот азиатских арабов потерпел сокрушительный разгром. В ближайшее время можно было не ожидать пиратских набегов на прибрежные города Византии. Но все же Василий дождался эскадру галер из Анталы, пришедшую им на смену. Отправив свои потрепанные ладьи и галеры на ремонт в центральный порт фемы Пелопоннес³⁶ Коринф³⁷, Василий на флагманском дромоне поспешил с докладом в Константинополь. Он вез с собой пленных предводителей пиратов, посаженных на время перехода за весла, вместо византийских гребцов.

Глава четвертая: свадьба Анастасии

Наступил день свадебных церемоний. Сочетание священными узами брака провинциальной актрисы и наследника царского престола.

Почти все собравшиеся сегодня в дворцовом крыле у цесаревича Романа были преимущественно бюрократического сословья. Возглавлял свиту цезаря паракимомен, первый министр и спальничий самого государя Василии Ноф. Пестрая одежда, но с преобладанием зеленых цветов, придавала компании Романа оживленный вид. Присутствие в одеждах зеленого цвета, подчеркивало их партийную принадлежность. Непримиримые сословья бюрократов и военных, даже на свадебной церемонии неосознанно кучковались возле своих лидеров.

Палатин, один из дворцовых служащих, набираемых из евнухов, заглянул в зал:

– Прошу занять указанные места, господа, если вас это не затруднит. Церемония начинается.

Роман отправился на свое место в первом ряду и чуть не споткнулся. Его церемониальный халат был ничуть не легче доспехов и к тому же был менее удобным. Бархат вишневого цвета весь топорщился золотыми вышивками. Жемчуг с драгоценными камнями, в изобилии красовавшиеся на груди, воротнике и по рукавам делало одежды просто неподъемными. А широкий золотой пояс, усыпанный рубинами, сапфирами, аметистами, инкрустированный искусной эмалью, весил куда больше, чем солдатский пояс с мечом, ножнами и кинжалом. На голове его сияла стемма цезаря – обруч чистого золота, украшенный драгоценными камнями и эмалью.

Бронзовые двери палаты бесшумно отворились. Первым в открытые двери вышел палатин, задача которого состояла в том, чтобы указывать – кому и куда идти. Плотный, расшитый золотом бархат халата противно шуршал и поскрипывал, когда Роман медленно двинулся за евнухом.

Но едва только процессия вышла из здания. Роман порадовался тяжести своего одеяния. Их встретил холодный осенний ветер. Романа подвели к огненно-рыжему жеребцу, символизирующего своим окрасом алый цвет осеннего Солнца. Цвет, символизирующий время сбора урожая и налогов, время вождей. Василий и остальные сопровождающие из свиты Романа сели верхом на коней вороной масти. Черный цвет символизировал их бесконечную преданность цезарю.

Когда верховые заняли свои места, конная колонна шагом выступила из дворцового комплекса по направлению к собору Юстиниана Ринотмета, иначе называемый собором Святой Софии. От самого дворца вдоль дороги цепью стояла императорская гвардия, сдерживающая толпы плебса, которые вышли поглазеть на церемонию и поприветствовать Романа. За толпой, в тени улочек можно было заметить городских стражников равдухов, готовых в случае надобности пресекать уличные беспорядки.

Перед гвардейцами через небольшие интервалы стояли палатины с мешками наполненными фигами и орехами. При приближении колонны они начинали забрасывать содержимым из мешков горожан стоящих за цепью гвардейцев.

В это же время с другого конца города из ворот дворцового комплекса семейства Фока выдвинулась другая кавалькада. Впереди в парадной военной форме на вороном коне ехал сам магистр Никифор, усыновленный матерью невесты. По старинному обряду, но освященному церковью. В виду угрозы возможного пиратского нападения ее отец Алан Каратер, епарх города Гитио, не смог сам присутствовать на торжествах в Константинополе. В отсутствии отца, на правах брата, Никифор Фока сопровождал невесту к месту венчания.

Рядом с ним на белой лошади, символизирующей серебристый цвет Луны, дающий высокий урожай, ехала невеста. Просторные церемониальные одеяния скрывали округлившийся живот Анастасии. Ее платье, сшитое из мягкого белого шелка, пронизанное серебряными нитями и украшенное белоснежными кружевами у запястий, казалось, было соткано из лунного света. Серебряная стемма архонтессы на голове подчеркивала ее красивые каштановые волосы.

Дочери базилевса Константина: Зоя, Феодора и Агафа не посчитали возможным для себя быть среди подруг невесты из провинции, поэтому «подруг» пришлось спешно собирать среди дочерей вельмож. Среди них Анастасия сразу же выделила Марию Склирину, дочь архонта Фотиноса, которому принадлежали обширные земельные владения на восточных окраинах Малой Азии. Девушки сразу же подружилась. И Мария встала во главе «подруг», которые ехали на серых лошадях сразу за невестой.

Замыкали колонну Никифора военные мужи – представители землевладельческой знати, архонты. У них в одежде преобладали синие и голубые тона, что подчеркивало принадлежность сопровождающих к партии военных. Под ними были гнедые кони.

Тут были и одетый более светски, чем его брат стратиг Лев Фока, и брат Марии Склирины – Варда Склир. Рядом со Склиром ехал Иоанн Куркуас, по прозвищу Цимисхий, который надел поверх шелковых одеяний свою горящую на солнце кирасу. Никакого головного убора он не носил, открывая всем на обозрение копну длинных, пышных рыжих волос. Ван намывал их лимонной водой, пока они не встопорщились, как львиная грива.

А еще там были владетельные князья-ишханы Багратуни из провинции Тао-Кларджети, иначе называемой царством Картли или Верхней Иверией. Они приехали на церемонию из своей столицы – Артвина, чаще именуемой по-арабски Артануджи. Возглавлял их делегацию царь картвелов Смбат Ивирский – бдешх Арийстана, что соответствовало латинскому титулу герцог или греческому титулу дука. Смбат был так же удостоен высокого византийского титула курапалат. И хотя титул начальника охраны царского дворца был скорее данью традиции, чем его непосредственной обязанностью, курапалат Смбат ежегодно получал из казны соответствующее денежное содержание – рогу. А все потому, что храбрые горцы из армянских провинций Тайка и Гугарка по-прежнему составляли большинство гвардейцев дворцовой стражи. Смбат был одет в персидский шелковый халат. Голову его венчал тюрбан, какой носили в халифате.

Рядом с ним по-родственному ехали соседи, представители младшей ветви Багратуни из рода Торников. Это были выросшие в Византии братья, стратеги фемы Македония, Лев с Николаем и с ними сам глава рода танутер Ашот, ишхан армянской провинции Тарон.

Первой на храмовую площадь вышла кавалькада жениха. Их встречал распорядитель дворцового церемониала препозит Иосиф с командой палатинов. По команде препозита, Роман и его свита спешили. Подбежавшие палатины перехватили коней под узду и быстро увели их с площади в сторону конюшен располагавшихся позади храма.

Удостоверившись, что все стоят на своих оговоренных церемониалом местах, препозит Иосиф протрубил в дудку. Палатин во главе колонны величаво и торжественно поплыл вперед, задавая скорость остальным. Под приветственные крики толпы жених и его свита направились в сторону распахнутых ворот Святой Софии.

Великолепные барельефы этих ворот были свидетелями бесчисленных торжеств. Венчания на царство и свадебные церемонии. Божественные литургии. В менее торжественные дни тут проходили заседания религиозных судов. Такой неуклюжий снаружи, храм был настолько светлым, изящным и пропорциональным внутри, что выглядел почти невесомым. Он поражал воображение. Изнутри храм по случаю торжества был освещен тысячью свечей.

Роман бывал здесь не раз. Но великолепие храма, торжественная обстановка, сотни глаз следящих за каждым его движением заворожили его так, что он на миг остановился.

Посреди центрального зала, хрисотриклина, размещалась круглая площадка для вознесения молитв и проповедей. Над ней невесомо парил купол, а вокруг, как в амфитеатре, стояли скамьи. Сразу бросалось в глаза, что мастера царской столицы обладали, куда большими возможностями, по сравнению с провинциалами, чтобы украсить свое творение. Невозможно было даже представить, какие суммы были затрачены на создание этого чуда.

Несмотря на обилие сокровищ, собранных в храме, главным его чудом все-таки оставалось умелое архитектурное решение. Колонны, облицованные чудесным моховым агатом, были просто изумительны по своей красоте. Стены храма воссоздавали небеса, подражая краскам восхода и заката на востоке и западе. Иллюзия эта достигалась использованием красного камня разных оттенков, который постепенно сливался с белым мрамором и бирюзой, которые покрывали северную и южную стены до самого основания.

Колонны, стены, арки, малые купола – все это вело взгляд к одному – к великому куполу, который сам по себе казался чем-то волшебным. Казалось, он лежит лишь на ярких столбах солнечного света, струившегося из больших окон храма. Мягкий поток солнечного света струился сквозь мозаичные витражи арочных окон, делавшие сам купол почти невесомым. Казалось, он парит в воздухе над собором. Свет отражался от золотой и серебряной фольги, сверкал на плитах пола, покрытых мозаикой и золотом. С трудом верилось и в то, что великолепный купол имеет невероятный вес. Его легче было бы представлять в виде некоего большого мыльного пузыря, так деликатно соединенного с храмом, что легкий ветерок мог унести его и оставить святыню открытой. Игра света в куполе создавалась мириадами покрытых золотом стекол. Это был символ Солнца достигшего зенита. Символ Небесного светила в его полной силе.

Это подвижное, переливающееся золотое поле окружало громадное изображение Христа, который смотрел с высоты на свою паству. Удлиненное бородатое лицо со спокойным, но строгим взглядом, он точно пронзал людей собравшихся внизу. Эти всевидящие глаза, казалось, заглядывали прямо в глубину души. Стоя под этим божественным взором, человек ощущал всю тленность бытия. Все человеческие деяния были записаны в «книзе животней», которую Христос держал в левой руке. «Великий Небесный судия. Будет ли он милосерден ко мне?» – так думал всякий находящийся в соборе.

На полпути к восточной стене находилась большая ниша – ложа, куда имела доступ только царская семья. Чудесный занавес из ткани, похожей на газ и расшитый тонким бисером, позволял базилевсу и его окружению видеть все, оставаясь невидимыми для посторонних глаз. Но сейчас занавес был отброшен. Все могли лицезреть царя царей и его августейшую супругу.

Константин Багрянородный был облачен в желтый, шитый золотом шелковый халат, еще более великолепный, чем у Романа. Только острые носки пурпурных сапог выглядывали из-под покрытой драгоценностями оторочки. На голове сверкала золотая императорская стемма, украшенная драгоценными камнями и эмалью, надетая на шапку с тульей, и увенчанная крестом наверху. По бокам стеммы свисали жемчужные подвески. Дополняя это великолепие, на поясе базилевса висела сабля в разукрашенных камнями ножнах. Навершие рукоятки сабли украшал большой рубин.

Слева от императора сидела севаста Елена. У нее была смуглая кожа и черные, как смола, волосы. Однако круглое лицо василиссы сохраняло доброе выражение. На ней было голубое шелковое платье, расшитое серебром. Жемчуг с драгоценными камнями в изобилии украшал грудь, воротник и рукава севасты. Голову ее украшала серебряная стемма императрицы, украшенная драгоценными камнями и эмалью. По бокам свисали жемчужные подвески. Красивые темно-синие глаза Елены излучали покой.

Роман не глядя по сторонам, проследовал к алтарю. Его сопровождающие заняли скамьи справа от алтаря. Места с левой стороны по традиции занимали женщины. Скамьи Великого храма делались не из прочного и скромного орехового дерева, а из светлого дуба. Навощенные

и отполированные до блеска, они были инкрустированы черным деревом, слоновой костью, сандалом, самоцветами и жемчугом. Позолота и серебро отражались в полированном дереве и металле, отблески драгоценностей мелькали в самых дальних его уголках.

Едва жених занял свое место, со стороны площади донесся гул. Это подошла кавалькада невесты. Все повторилось по уже отработанному сценарию. Палатины быстро увели лошадей. Спешившаяся невеста и ее свита под суровым взглядом препозита Иосифа начали выстраиваться в колонну. Палатин, подойдя к Анастасии негромко, но внятно произнес:

– Сюда, пожалуйста. Делайте все, как на репетиции, и пойдет как по маслу, – добавил он ободряюще. Анастасия кивнула в ответ. Хорошая актриса – она и здесь играла свою роль.

– И тут театр, – проворчал Никифор.

– Вся жизнь – игра, – вторил ему Цимисхий.

Препозит огляделся, желая убедиться, что вся компания заняла надлежащие места и протрубил. Палатин величаво начал движение вперед, задавая скорость остальным.

Войдя в храм, колонна распалась. Подруги невесты заняли отведенные места слева, а сопровождающие ее мужчины справа.

– Эти бюрократы даже в постель к девчонке затащат скуку, – взглянув на уже сидящих чиновников, произнес Цимисхий. Шутка разрядила обстановку, вокруг заулыбались.

Магистр Никифор подвел невесту к алтарю и, оставив ее там, присоединился к мужской половине сопровождения. Заняв место рядом с Василием Нофом.

Направляясь к Роману, Анастасия улыбнулась и подняла руку, показав браслет с изумрудами, который он когда-то ей подарил. Роман улыбнулся ей в ответ. С того самого дня, как, исполняя волю базилиевса, ее закрыли в резиденции патриарха, они не виделись. Анастасия была слегка бледна, но по-прежнему прекрасна.

«Осуждать невозможно», – шепнул Константин Елене цитату из «Илиады», сравнивая Анастасию с прославленной красавицей древности.

Певчие монахи-канторы запели: «Святой Господи, помилуй жениха и невесту! Святой Дух, помилуй их близких! Свят, Трижды Свят, помилуй спутников невесты!»

Неистощимый на выдумки Цимисхий был не в состоянии усидеть на месте больше минуты. Он дерзко разглядывал подруг невесты, посылая в сторону приглянувшихся воздушные поцелуи.

Толстые стены Великого храма приглушали гул толпы, собравшейся снаружи. Легкий шепот в храме утих, как только хор канторов, одетых в черно-белые одеяния появился у алтаря. Перед центральным алтарем стояла кафедра патриарха, облицованная искусно вырезанными целыми панелями слоновой кости. Детали рельефа были столь искусно вырезаны, что казались чудом. Звеня колокольчиками, монахи пели гимн, славящий Христа, подхваченный присутствующими.

Как только последние слова гимна угасли, патриарх Феофилакт, сопровождаемый двумя служками, вошел в храм. Его светлая улыбка разбросала по лицу лучики тонких морщин. При появлении патриарха все встали. Даже базилиевс – светский Владыка вселенной отдал дань уважения духовному Владыке вселенной в стенах Святого храма.

Патриарх обладал куда более сложным характером, чем могло показаться на первый взгляд. Заняв свое место на кафедре, Феофилакт как бы отдалился от людей и, казалось, вырос прямо на глазах. Он поднял руки к всемогущему Господу над своей головой и начал молитву, которую повторяли все вокруг:

– Мы благодарим тебя, Христос, Повелитель Правды и Добра, наш великий защитник и покровитель, простирающий свою длань над головами людей и глядящий на них с милосердием. Помилуй нас, Господи, и сохрани, Мать пресвятая Богородица, батюшка спаситель мира Иисус Христос, все-все святые угодники. Господь, благослови, помилуй и сохрани, во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Потом патриарх шагнул вперед, приветствуя жениха и невесту:

– Да благословит этот союз Христос, подобно тому, как Солнце благословляет теплом и светом весь мир, – сказал он. – Присутствующие в храме перекрестились. Патриарх повернулся и повел молодых к алтарю.

Как было отрепетировано заранее, Роман взял правую руку Анастасии в свою левую ладонь, и они коснулись руками алтаря. Полированное серебро под пальцами было холодным. Улыбнувшись, Анастасия сжала руку Романа, и он ответил ей нежным пожатием.

– Помнишь ту ночь и звездное небо в Гитио? – Спросила шепотом Анастасия.

– Я даже помню выступление Цирцеи на представлении, где впервые увидел тебя, – тоже шепотом ответил Роман.

По завершению молитвы присутствующие сели на свои места, чтобы насладиться зрелищем. Началось таинство венчания.

Глашатаи за стенами храма комментировали собравшимся на площади людям происходящее внутри. Столпившиеся горожане и гости города внимательно слушали, иногда выражая свое одобрение многоголосьем гулом.

Все когда-нибудь кончается. Даже самые сокровенные и возвышенные моменты. По завершению таинства молодожены держась за руки, вышли из храма и остановились в его воротах. Голову Анастасии теперь венчала стемма цесарицы – серебряная, но украшенная камнями и эмалью. Став женой наследника престола, Анастасия получила другое, тронное имя Феофано. В переводе это означало, что она была «Богом явлена и им избрана».

А на площади молодоженов ожидали простые горожане. Если бы не двойной ряд гвардейцев, отгораживающий дорогу для процессии, по площади было бы просто невозможно пройти. Вокруг бурлило людское море. Глашатаи, обладавшие могучими легкими, громко закричали:

– Радуйтесь! Празднуйте свадьбу цесарицы Феофано и цезаря Романа! Радуйтесь! Радуйтесь!

Радостные клики стали еще громче. Со всех сторон неслись грубовато-непристойные возгласы и советы, подобные тем, что раздавались на всех без исключения свадьбах, включая и такую церемониальную. Человеческая натура везде одна и та же.

Под их приветствия процессия сошла на площадь. Палатины стали бросать в толпу пригоршни серебряных монет. Традиция требовала, чтобы они опустошили денежные мешочки. Наиболее смекалистые жители столицы хорошо знали это и толпились там, где легче всего было собрать хороший урожай монет. Люди бросились подбирать монеты – давление на гвардейцев убавилось. Минутным замешательством воспользовались и палатины, которые сумели вывести из конюшен на площадь лошадей. Всадники заняли свои места, и кавалькада направилась в сторону ипподрома.

Один из палатинов вложил Роману в руки маленький, но тяжелый мешочек, золотые монеты из которого следовало бросать в толпу. Такой же кошель вложил в руки Феофано другой палатин. Бросали монеты в толпу и слуги, расставленные вдоль всего пути, но в их мешочках было серебро, а не золото.

Тротуары Срединной улицы Константинополя были забиты народом. Кавалькада двигалась медленно. Вокруг выкрикивали приветствия и поздравления. Столичные жители, непостоянные и капризные, аплодировали любому зрелищу. Свадьба цезаря была грандиозным спектаклем, на котором к тому же зрители могли получить золотую или серебряную монету.

– Радуйтесь! Радуйтесь! Радуйтесь! – Выкрикивали глашатаи.

Неспешным шагом процессия миновала трехэтажное здание из красного гранита, в котором размещались правительственные учреждения. Сопровождающие Романа военные дружно отвернулись в другую сторону. Даже от здания, где обитали чиновники, веяло скукой.

– Радуйтесь!

Когда процессия свернула со Срединной улицы, толпа стала редеть. С каждым шагом вырастали на фоне неба стены амфитеатра Ипподрома, и вскоре кавалькада через триумфальные ворота въехала внутрь. Ипподром, который кишел зрителями, взорвался аплодисментами и приветственным гулом. Музыканты с кимвалами добавили ритм в общий шум.

Кавалькада торжественным шагом подъехала к мраморному царскому балкону на Ипподроме, соединенному крытым переходом с Большим царским дворцом.

Феофано и ее подруги спешили, а Роман и остальные сопровождающие остались верхом. Здесь молодым супругам предстояло ненадолго расстаться. По византийскому обычаю, сохранившемуся со времен легендарных ариев, Феофано должна была принимать поздравления от представителей своего народа и зарубежных гостей в доме родителей мужа. А Роман, по обычаю, на день отправлялся в дом невесты, чтобы выразить свою благодарность ее родителям. И только к ночи супруги должны были воссоединиться на брачном ложе.

Две соперничающие партии, бюрократов и военных, разместили собственные органы по обе стороны ложа. Возле органов собрались полухория канторов. Органы заиграли. Гул толпы сошел на нет.

Оба полухория возгласили:

– Прекрасен приход твой, раба благочестия.

Народ на трибунах трижды повторил: «Прекрасен приход твой!».

– Прекрасен приход твой, предвестница милосердия! – Снова возвестили два полухория. Народ на трибунах снова трижды вторил: «Прекрасен приход твой!».

– Ступайте торжественно и мягко, – наставлял палатин, ведущий Феофано и ее подруг.

Под аккомпанемент органов канторы запели:

«Собрала я цветы в поле и поспешила в свадебный чертог.

Видела я солнце на золотом брачном ложе;

Все благословляет желанный союз.

Пусть радость будет союзником их ослепительной красоты,

Пусть они видят розы и красоту, подобную розам.

Пусть радость сияет над золотой четой!»

Под их пение Феофано и ее подруги вошли в царскую ложу. Как только они повернулись в сторону ипподрома, пение и музыка смолкли.

Музыканты с кимвалами забарабанили торжественный марш. Роман отсалютовал Феофано, и его кавалькада, под приветственные крики трибун покинула ипподром. Они направились к магистру Никифору, который на правах брата предоставил свой дворец, символизирующий дом невесты. Там на женской половине во главе пиршественного стола восседала Цира Каратер – мать Анастасии, а на мужской – ее названный брат Никифор Фока.

Между тем на ипподроме вновь зазвучали органы. Первыми в ворота стали въезжать кавалькады столичных вельмож. За ними шли колонны слуг несущих дары. За византийскими вельможами следовали вельможи зарубежных делегаций. А уже за вельможами выстраивались в очередь колонны с дарами от многочисленных делегаций ремесленных цехов и торговых объединений.

Пройдя под приветственные крики трибун весь ипподром, делегация останавливалась возле ложи Феофано. Перед молодой цесарицей, еще не родившей наследника престола, праскинесис с касанием лица земли, делать было не положено. Поэтому вельможи, приветствовавшие Феофано, ограничивались преклонением в виде простого поклона.

Затем в ее сторону произносились поздравления, а под трибуной слуги складывали дары.

После торжественных славословий дворцовые палатины, как неумомимые муравьи, отработывали все по заранее отрепетированному сценарию. Часть из них принимала дары и уносила их в отведенное место. Другие отводили гостей в переход соединяющий ипподром с дворцовым комплексом царской семьи. Там в Скилах, башне перехода между дворцом Юстиниана и ипподромом, гостей разделяли. Женщин провожали в триклин Юстиниана, где их принимала вассилиса Елена. Мужчин провожали в триклин Вуколеона, где усаживали за пиршественный стол, во главе которого восседал базилевс Константин Багрянородный. В Византии все церковные торжества и церемонии сопровождалось пиршествами. Пьянство в Константинополе было широко распространено.

Одной из первых иностранных делегаций Феофано поздравили посланцы Марзубана Мусафарида, эмира Ардебиля. Возглавлял делегацию младший сын эмира Ибрахим. Рыжеволосый и голубоглазый красавец, как и его отец. Он подарил новобрачным гнедого коня знаменитой нисейской породы и белых кобылиц.

– Лунолика Феофано, да явит всемогущий Аллах свою милость тебе и твоему потомству. Позволь с братской любовью преподнести тебе шкатулку самоцветов, которые меркнут по сравнению с твоей красотой. И этих великолепных коней из горной долины, достойных тебя и твоего избранника. И еще от имени эмира Ардебиля Марзубана позволь передать нижайший поклон твоей несравненной матушке, которая сумела вырастить такой редкий цветок неземной красоты. Пусть она живет в радости и спокойствии, позабыв былые обиды, – завершил свою речь Ибрахим, приложив руку ко лбу, устам и сердцу.

То, что окружающие придворные приняли за восточное славословие, имело для Анастасии вполне определенный смысл. Они оба с Ибрахимом знали, что она его сестра по отцу. И, что самое главное, эмир Марзубан не станет больше преследовать ее непокорную мать и посылать наемников, чтобы силой вернуть к себе.

В свое отведенное церемониалом время к ложе, где Феофано принимала поздравления, подъехала делегация морских гвардейцев. Возглавлял ее наварх и патрикий Василий Гексамилит. Их остановили на установленном расстоянии. Василий спешил и поклонился цесарице. По его знаку слуги вынесли и поставили перед трибуной золотую и серебряную утварь в сундуках, а также ларцы с дорогими украшениями, добытыми в морском сражении.

После ритуальных приветствий патрикий Василий сказал:

– Цесарица, прекрасная Феофано, разреши исполнить обещание, данное павшему в сражении воину. – С этими словами он вынул из кармана и протянул на ладони медальон с изображением Медузы Горгоны.

– Капитан одного вспомогательного судна федератов, очень храбрый человек, просил перед смертью вручить тебе этот свадебный подарок.

По знаку Анастасии палатин принял медальон из руки Василия, уложил подарок на серебряный поднос, поднялся в ложу и с поклоном поднес к ней.

– Странный подарок, – зашептали подруги, взглянув на ужасную Горгону.

– Как звали этого храбреца? – Спросила Анастасия.

– Германарик, – ответил Василий.

– Не припоминаю... – Анастасия пристальней взглянула на медальон, и вдруг, словно озарение нашло на нее. Дом, отец, испуганная девочка прячется в церкви и пираты... Два года назад. Боже! Как давно это было.

– Рыжий Эрман, – припомнила Анастасия и с грустью улыбнулась. Она без боязни взяла медальон и повесила себе на грудь. – Благодарю тебя Василий. Вечная слава конунгу Эрману.

Пиршественный стол ломился от яств. Стольник, смотритель царского стола, внимательно следил, чтобы у гостей были полные тарелки и не иссякали кубки. Некоторые гости разбавляли вино ключевой водой, а некоторые вино предпочитали подслащенную воду или свежий фруктовый сок.

Периодически палатины вводили в пиршественный зал и усаживали за столы новых гостей. Заздравные тосты и славословия следовали один за другим.

– Слава базилевсу над базилевсами! Слава «царю царей» Константину!

К базилевсу подошел паракимомен Василий и что-то зашептал ему на ухо.

Выслушав его, Константин поднял руку, призывая присутствующих к тишине.

– Не менее ценный подарок новобрачным преподнес, патрикий и наварх императорского флота Василий Гексамелит. Пока мы готовились к свадьбе, он умудрился сжечь многократно превосходящий его числом кораблей флот эмира Тарса, вторгшегося в наши пределы. Послушаем его рассказ.

Собравшиеся сначала загалдели, затем все умолкли, и взоры сошлись на слегка смутившемся Василии, которого палатины ввели в триклин. Оглядев собравшихся и увидев любопытные взоры, Василий поклонился в сторону базилевса и начал свой рассказ о морском сражении.

Новость действительно была неожиданная и поражающая воображение, это было видно по напряженным позам иноземных послов.

– А захваченных в сражении кади и других пиратских начальников, я привез на суд в Царский город, – закончил Василий. Палата взорвалась аплодисментами и выкриками: «Браво! Слава! Молодец!». Когда накал эмоции спал, Константин снова призвал к тишине:

– Триумфальное шествие и чествование победителей проведем после свадебных гуляний на ипподроме, а пока патрикий Василий прими мою благодарность и приглашение присоединиться к свадебным гуляниям, – с этими словами Багрянородного, стольник преподнес Василию серебряный кубок, наполненный вином. Под подбадривающие крики собравшихся вельмож Василий осушил кубок до дна и поднял его над собой. Зал взорвался одобрительным гулом. Палатины отвели патрикия на отведенное ему место, и, когда гул стих, Багрянородный снова призвал присутствующих к вниманию.

– Теперь моя очередь добавить подарок к тем, что лежат там! – Константин махнул рукой в сторону ипподрома.

Раздались вежливые хлопки в ладоши и несколько буйных выкриков гостей, которые были уже изрядно навеселе. Константин дождался тишины.

– Я объявляю цезаря Романа своим соправителем и базилевсом Византии!

Зал взорвался шумными аплодисментами и криками

– Слава базилевсам! Слава «царю царей» Константину! Слава царю Роману и царице Феофано!

Как только в зале восстановилась тишина, продолжил:

– Кроме трудов и обязанностей в качестве соправителя, – Константин сделал паузу, давая собравшимся оценить его дар. – Я дарю новобрачным дворец, который начал возводить от основания палаты Романа. Его здания и украшения будут строить, и украшать лучшие зодчие Византии. По красоте, количеству украшений и золотых статуй, дворец будет достоин этой прекрасной пары.

– Слава «царю царей» Константину!

На мужской половине дворца принадлежавшего Фокам веселье вошло в неуправляемую стадию, когда перестали зубоскалить о женщинах и лошадях. Гости, кто еще стоял на ногах, стали собираться кучками по интересам, возвращаясь к обсуждению наболевших вопросов и текущих дел.

Курапалат Смбат Багратуни и магистр Никифор Фока беседовали на арамейском диалекте семитского языка, в котором почти отсутствовали гласные. Их говор резал слух тем, кто привык к мягкой греческой речи.

Смбат жаловался Никифору:

– Никифор, дорогой, скажи свое слово базилевсу. Он тебя уважает и потому слушает.

– Хм. А что тебя беспокоит, друг мой Смбат? – Никифор произносил его имя, в свойственной ему манере.

– Меня волнует мой северный сосед, – пожаловался Смбат.

– Который именно? Абхазы из Кутаиси или арабы из Тбилиси?

– Я говорю о Георгии и его сыне соправителе Льве.

– А, так ты об абхазских Леонидах!

– Конечно. С тех пор как второй из Леонидов женился на хазаринке, они смогли при помощи наемных алан распространить свое влияние на все Колхидские княжества: Абазгию, Санигию, Апсилию и Мисиминию. А потом его потомки наплевали на границы между царствами и княжествами, установленные византийским Владыкой и ширваншахом Вахтангом Горгасланом. И теперь абхазы вторгаются на территории и цанаров, и картлов. Это совершенно недопустимо!

– Ты какую границу имеешь в виду? – Уточнил Никифор. – Ту, что по договору между Римом и Персией? По которой княжества Закавказья были разделены на примыкающие к Черному морю и примыкающие к Гирканскому морю? А раздел проходил по реке Арагви в Кавказской Иверии.

– Нет. Ту границу позже несколько перекроили. – Скривил лицо Смбат. – Вахтанг Горгаслан в свое царствование сумел объединить отдельные княжества и воссоздать Гургистан.

Чтобы добиться этого сначала убедил шахиншаха персов отдать ему, а не его наместнику, право возглавлять персидские войска в сатрапиях Закавказья. Для убедительности во главе персидского войска разгромил гунно-аланов Буриберди на Арагви Овсетской и разорил стойбища их союзников печенегов в предгорьях Северного Кавказа.

Побив воинственных горцев Центрального Кавказа, царь обратным путем прошел по горной дороге к византийским крепостям на абхазском берегу Черного моря. И пока базилевс Лев Макелла воевал с германцами на западе, забрал у него все крепости Абхазии, расширив свои владения до Черного моря.

За это Владыка персидский наградил его званием ширван шаха и отдал ему в жены дочь свою по имени Балендухт. А в качестве ее пожизненного приданного персидские сатрапии: всю Кавказскую Албанию и часть Армении до Гурганского моря.

После этого, в качестве персидского полководца Вахтанг отправился походом на ромеев. Развивая наступательный успех, за три месяца он успел осадить Трабзон в феме Халдия и уже подумывал подступить к самому Константинополю. Чтобы избежать позорного разгрома, базилевс вступил с Горгасланом в переговоры, послав к нему византийских монахов. Те напомнили Вахтангу об общей с ним христианской вере и просили его выступить посланником мира к персидскому Владыке.

Тогда, при посредничестве Горгаслана был установлен мир с персами. За это базилевс Римской империи отдал ему в жены свою третью дочь Елену. А в качестве ее пожизненного приданного земли Гугарка: Спери и Кларджети, в римской провинции Армянская Иверия. Там у картлов он и построил крепость Артвин. Вот так на короткий промежуток времени Вахтанг смог восстановить под своим господством границы Великого Гургистана от моря до моря.

– Да, я слышал о тех временах, когда ромеи вынуждены были пересмотреть границы византийской провинции Арменикон, в пользу царя иберов. – На сей раз скривил лицо Никифор. – Как раз тогда и была установлена граница между римлянами и персами в Закавказье, о которой я упомянул. И что же тут нарушили Леониды?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.